

Новая драматургия в лице Чехова и Островского

Если работает «Мастерская Фоменко», значит, новый сезон уже в разгаре

Григорий Заславский

«У нас начинается новый школьный год. Если он будет немножко больше школьного и больше, чем у других театров, это будет только к лучшему», — сказал, открывая новый сезон, худрук «Мастерской...» Петр Наумович Фоменко.

В эту пору в Москве обычно трудятся лишь Театр имени Гоголя да Театр Чихачева (последний «обслуживает» зрителей рабочей окраины, располагаясь стенка в стенку с заводскими цехами). Мастера, «тяжеловесы», — по традиции — подтягиваются позднее, давая фору, позволяя другим отыграть первые премьеры и, если угодно, разогреть публику к своему звездному и уже долгожданному выходу.

«Мастерская П. Фоменко» спутала все карты. В ее присут-

ство позволило Александру Соколянскому написать недавно о «женском лице» «Мастерской Петра Фоменко»; Фоменко это замечание не оставил без внимания и пообещал убедить сомневавшихся в том, что у театра имеются и вполне сформировавшиеся мужские лица). Надо признать, что «фоменки» весьма умело сопротивляются вызовам времени: их лица редко украшают шумные светские мероприятия и им удается все свои проблемы, все даже самые болезненные ситуации решать внутри, подтверждая тем самым свою студиюность (кому интересны проблемы и даже драгги студийцев?! То ли дело звезды...).

Дань студиюному прошлому, желание этой самой студиюности не потерять «по пути», в придуманном Фоменко вечере самостоятельных работ: на 19 сентября запланирован такой вот показ, в котором сможет принять участие каждый актер или акт-

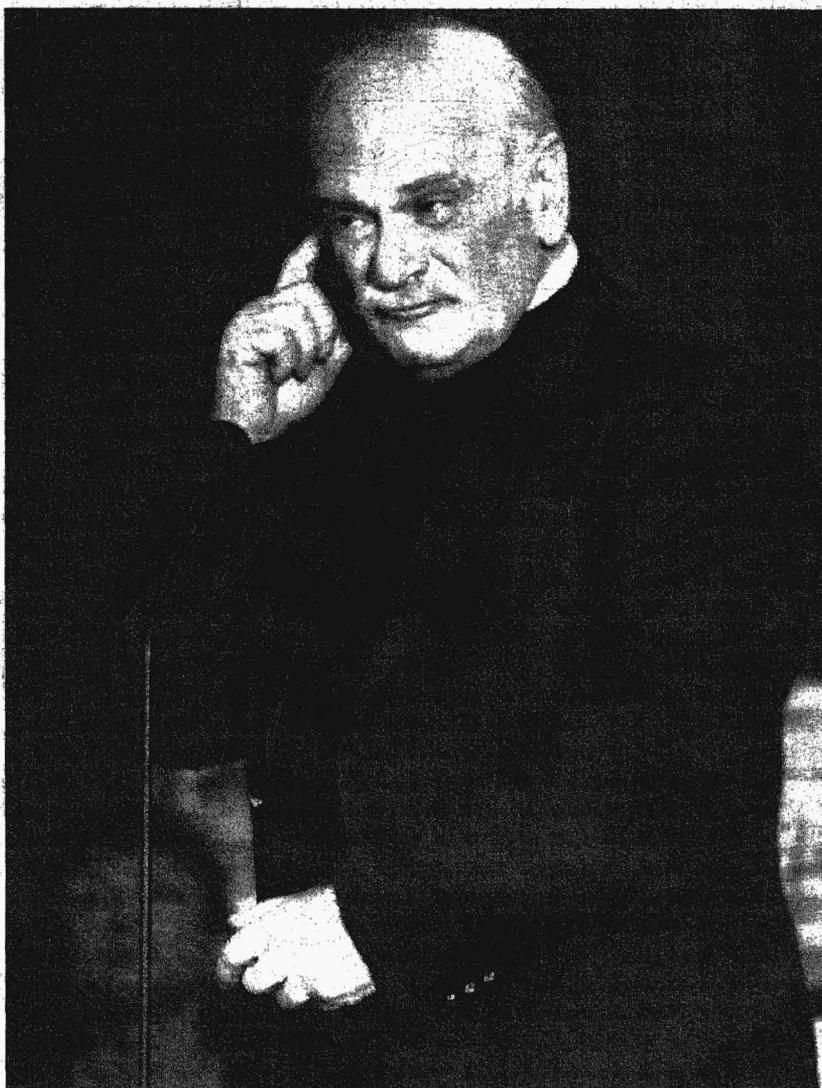
Любить «фоменок» стало модным

вии как-то странно уже говорить о медленно начинающемся новом сезоне: раз «Мастерская...» в Москве, следовательно, сезон начался. И он — в разгаре.

И об этом Петр Наумович тоже сказал несколько слов: любить «фоменок» стало модным. Попасть в «Мастерскую...» невозможно (так что естественным становится вопрос о том, какую сумму потенциальный зритель готов выложить за билет). В этом — актерское (и режиссерское) счастье, но в этом и залог возможных бед. Они — по-прежнему ученики, в силу того, что по-прежнему рядом с ними — их Учитель (для большинства, а может, и для всех — бог или полубог). И они — звезды, любимцы, и в первую очередь любимцы театральной Москвы (последнее обстоятель-

ство позволило Александру Соколянскому написать недавно о «женском лице» «Мастерской Петра Фоменко»; Фоменко это замечание не оставил без внимания и пообещал убедить сомневавшихся в том, что у театра имеются и вполне сформировавшиеся мужские лица). Надо признать, что «фоменки» весьма умело сопротивляются вызовам времени: их лица редко украшают шумные светские мероприятия и им удается все свои проблемы, все даже самые болезненные ситуации решать внутри, подтверждая тем самым свою студиюность (кому интересны проблемы и даже драгги студийцев?! То ли дело звезды...).

Ранний выход из отпуска объясняется, впрочем, легко: впереди — долгие гастроли, гастроли по «хорошим странам» (снова — почти вся Европа), и нынешние спектакли в Москве можно при желании восприни-

Мужское лицо «Мастерской Фоменко».

Фото Фреда Гринберга

вать как определенную компенсацию за грядущее долгое отсутствие. Спектакли, запрещающие грусть, — перефразируя известное стихотворение Донна.

На одной недавней встрече с журналистами, той, кажется, которая венчала недавний юбилейный фестиваль, приуроченный

к 10-летию «Мастерской...», Фоменко весьма иронично отвечал на вопрос, связанный с новой драматургией. Его спросили, почему он обходит стороной то направление, о котором сегодня так много разговоров в театре, почему не ставит современных авторов. А Фоменко ответил, что

несколько современных авторов игнорирует и вот — собирает-ся вскоре взяться за Чехова и Островского.

Теперь Петр Наумович подтвердил серьезность намерений: «Наши основные намерения связаны опять с классикой, но на этот раз с драматургией, слава

Богу, потому что мы очень часто уходим в прозаические высоты и пространства (я имею в виду Толстого, или у нас еще есть пять или шесть работ по прозе или поэзии, один из последних наших спектаклей — «Египетские ночи»). Но у нас мало пьес, а это наш черный и в то же время самый лучший хлеб, который важен. Поэтому будет у нас Чехов и Островский. Причина одна — это занятость артистов».

Среди чеховских пьес Фоменко остановил выбор на «Трех сестрах», у Островского взяли «Бесприданницу». Ее намереваются выпустить уже в этом сезоне, работа же над Чеховым, возможно, перейдет на следующий.

«Что касается Островского и Чехова, — говорит Фоменко, — то, конечно, работать придется много, трудно. И придется работать в гастрольях. Пусть урывками, пусть с одним, двумя, тремя артистами, но тем не менее эту работу надо будет вести за буром».

О поездках, таких желанных в других театрах и таких обыденных для «Мастерской...», Фоменко отвечает как о чем-то приятном и одновременно — как о неизбежном эле, способном привести театр в упадок, так как «в дороге» трудно заниматься творчеством: «Я считаю, что мы, конечно, увлеклись поездками и тем, что у нас есть такая возможность. Эти поездки опасны».

В «продкате», чем неизбежно занимаются на гастрольях, почти невозможно заниматься другими — новыми — работами. Но за «последние» десять лет «фоменкам» пришлось обзавестись и этим опытом — опытом репетиций на гастрольях. У них по-прежнему все хорошо. И в этом смысле «Мастерская...» остается одним из немногих факторов театральной стабильности, позволяющей, к примеру, весьма снискодительно смотреть на опыты Касторфа или даже куда более интересные — Маргалаера. Впрочем, тема театральной традиции нуждается, конечно, в отдельном и подробном разговоре.